

ПАМЯТИ ЛЕОПОЛЬДА ХЕЙМСОНА (1927–2010)¹

Б.И. Колоницкий,
У. Розенберг

Леопольд Хеймсон, professor emeritus факультета истории Колумбийского университета, умер 18 декабря 2010 г. в возрасте 83 лет в Нью-Йорке. Эту потерю остро переживают его друзья, которых у него было немало в разных городах и странах, но особенно в Нью-Йорке, Париже и Санкт-Петербурге — эти города он считал для себя родными.

Привязанность Хеймсона к этим трем городам отражает широкий круг его интересов и ту космополитическую атмосферу, в которой он вырос. Хеймсон родился в Брюсселе в семье эмигрантов из России, добравшихся до Бельгии после «остановок» в Харбине и Берлине. Отец Леопольда, выходец из черты еврейской оседлости, в свое время окончил Варшавский университет, что позволило ему обосноваться в Санкт-Петербурге. Родители Леопольда общались между собой по-русски, но в Бельгии в семье говорили по-французски, французский стал и первым языком Леопольда. Оккупация Бельгии нацистской Германией в 1940 г. вынудила семью Хеймсонов бежать. Они оказались в окружении в Дюнкерке, но смогли покинуть Францию. В конце концов 13-летний мальчик и его родители завершили свое непростое путешествие в США.

Двумя годами позже Леопольд, добавив себе несколько лет в анкете, был принят в Гарвардский университет и получил степень бакалавра уже в 1945 г. На этом этапе его интересовала преимущественно французская история XVIII в., его диплом был посвящен изучению воздействия взглядов Руссо на Робеспьера.

Однако, поступая в аспирантуру Гарвардского университета, 19-летний Хеймсон выбрал историю России. Диссертацию он писал под руководством знаменитого русского историка-эмигранта Михаила Карповича, многие ученики которого изучали интеллектуальную историю России. В то время Леопольд участвовал в знаменитом проекте “Studies in Soviet Culture and Communications”, проводившемся Маргарет Мид в Колумбийском университете и посвященном

¹ Впервые статья появилась на страницах *Ab Imperio* (2010. № 4. С. 507–514). Печатается с разрешения редакции журнала без изменений.

изучению советской культуры¹. В 1952 г. Хеймсону была присуждена докторская степень, а тремя годами позже вышла его первая книга «Российский марксизм и происхождение большевизма»². В этом исследовании интеллектуальная история переплеталась с изучением биографий известных русских марксистов. В 1958 г. Хеймсон стал профессором Чикагского университета, где проработал десять лет.

Важным моментом в научной биографии Хеймсона, имевшим немалое значение для его коллег в России, стал знаменитый межуниверситетский «меньшевистский проект», которым он руководил в 1960–1965 гг. (The Inter-University Project on the History of the Menshevik Movement). В рамках проекта были собраны интервью и другие источники по истории меньшевизма, многие из них были впоследствии опубликованы³. В Советском Союзе, где часть этих уникальных интервью тайно ходила по рукам, идеи, которые высказывали в них тогда еще живые представители меньшевистского руководства, по-новому освещали существеннейшие аспекты революционной истории, особенно в том, что касалось целей и ценностей социал-демократического движения.

Идею «меньшевистского проекта» в 1959 г. предложила Лидия Дан, жена Федора Дана и сестра братьев Цедербаумов (Сергея, Владимира и самого известного — Юлия Мартова), влиятельных деятелей РСДРП. Для Л. Дан и ее друзей, живших в эмиграции — Г. Аронсона, Д. Далина, Б. Двинова, Б. Николаевского, С. Шварца и других, история РСДРП являлась личным, семейным делом. Сохранение памяти о своих друзьях и близких, о традиции российского демократического социализма было, по сути, последним политическим проектом меньшевиков. Они хотели написать «истинную» историю меньшевизма — историю, которая, по их мнению, искажалась и советской историографией, и западными исследователями. Для этого им нужна была поддержка в академической среде.

В лице Леопольда Хеймсона они нашли идеального сотрудника, важного союзника и надежного друга. В молодом, но уже состоявшемся американском ученом Лидия Дан встретила человека, которого отличали широкая эрудиция, глубокое знание русской культуры, интерес к политической и социальной истории, переплетавшийся с солидными познаниями в области политической теории, социологии и культурной антропологии. Жизненный опыт, знания, убеждения, административные возможности — всё это делало Хеймсона самым подходящим кандидатом для руководства проектом. Под его воздействием этот проект пре-

¹ *Haimson L.* The Ideal of “Conscious Activity”: Some Aspects of Decision Making and Communication in Soviet Theory and Practice. A Report / With a pref. by Margaret Mead. New York: Columbia University, 1951; *Idem.* Summary of Conclusions of Research on Party and Non-Party Organization in Soviet Industry // Mead Margaret (Ed.) Soviet Attitudes towards Authority. New York, 1951. P. 113–124; *Idem.* Decision Making and Communication in Soviet Industry // Mead Margaret (Ed.) Studies in Soviet Communication. Cambridge, MA, 1952. Vol. 2. P. 357–359.

² *Haimson L.* The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism. Russian Research Center Studies, 19. Cambridge, 1955.

³ *Haimson L.* (Ed.). The Mensheviks from the Revolution of 1917 to the Second World War / With Contributions by David Dallin. Chicago, 1974; *Haimson L., Galili y Garcia Z. and Wortman R.* (Eds.). The Making of Three Russian Revolutionaries: Voices from the Menshevik Past. New York, 1987.

вратился в нечто большее: через призму меньшевизма историки США, Западной Европы, а также некоторые исследователи в СССР смогли по-новому посмотреть на общую политическую, социальную и культурную историю России.

«Меньшевицкий проект» не только существенно обогатил знания его руководителя (и многих других историков), но и изменил Хеймсона как исследователя. Общение с информированными участниками революционного движения, тщательное и критическое изучение множества новых источников — всё это позволило Хеймсону прочувствовать политическую культуру социал-демократии изнутри. Можно с уверенностью предположить, что без этого опыта многие его важные исследовательские тексты не появились бы вовсе либо выглядели бы совершенно иначе.

Особое значение для славистики имела его большая статья «Проблема социальной стабильности в городской России, 1905–1917», опубликованная двумя частями в 1964 и 1965 гг.¹ вскоре после перехода Хеймсона в Колумбийский университет. Эта статья оказала значительное воздействие на историографию, прежде всего — на американскую. Термин «двойная поляризация», введенный Хеймсоном, неоднократно цитировался впоследствии, символизируя смещение аналитических акцентов: если ранее и западные исследователи, и политики эпохи холодной войны в первую очередь уделяли внимание идеологии и «большой политике», то теперь основной интерес был перенаправлен на социальные конфликты внутри российского общества. Хеймсон привлек внимание историков к конфликтам между социальными образованиями, которые описывались как особые культурные комплексы, а также к конфликтам внутри этих образований. В отличие от своего современника Э.П. Томпсона, Хеймсон в своих работах не рассматривал класс как центральное понятие. Но его интересовало, как представления о классе, репрезентации класса, формы осознания коллективных потребностей воздействовали на стабильность обстановки в Российской империи накануне войны. Хеймсон подчеркивал, что эти факторы серьезнейшим образом ослабили царский режим уже до начала Первой мировой войны.

Наверное, русским социал-демократам начала XX в. понравился бы талантливый историк, умело соединяющий социальную историю с историей политической (это стало фирменным знаком школы Хеймсона). И всё же эти статьи были написаны историком середины XX в., историком, который ставил новые вопросы и использовал новый исследовательский инструментарий. Особого внимания заслуживает его обращение к политической культуре, к изучению коллективной идентичности различных социальных групп. Не был Хеймсон и партийным историком, апологетически оценивающим меньшевиков. Он критически изучал их тактику и высказывания и выявлял те социальные и культурные причины, которые обусловили их неудачи. Статья «Проблема социальной стабильности» не потеряла своей актуальности и по сей день, она продолжает цитироваться во всевозможных дискуссиях о предпосылках Российской революции, которую сам Хеймсон считал неизбежной.

¹ *Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–1917 // Slavic Review. 1964. Vol. 23. N 4. P. 619–642; 1965. Vol. 24. N 1. P. 1–22. См. также: The Problem of Political and Social Stability in Urban Russia on the Eve of War and Revolution Revisited // Slavic Review. 2000. Vol. 59. N 4. P. 848–875.*

Нельзя, впрочем, отрицать, что и особая обстановка 1960-х гг., и тщательное изучение различных текстов, созданных меньшевиками, оказали воздействие на личность и взгляды Хеймсона. В известном смысле его можно назвать «последним меньшевистским историком» — наверное, он сам с известной долей иронии принял бы подобную характеристику. Когда в 1968 г. волна молодежных протестов, охватившая Париж и другие города мира, пришла в Колумбийский университет, Хеймсон встал на сторону антивоенного движения. Он бросился в гущу борьбы, и она была для него не только интеллектуальной. Многие годы спустя выпускники Колумбийского университета с благодарностью вспоминали, что Хеймсон, уже известный профессор, поддержал их требования преобразований, которые постепенно воплотились в жизнь.

Хеймсон уделял огромное внимание своим студентам, и это было хорошо известно даже тем, кому не довелось у него учиться. Во многом именно его страстности и эрудиции Колумбийский университет обязан тем, что превратился в один из признанных центров изучения российской истории в США. Десятки известных исследователей, успешно работающих ныне, писали свои диссертации в «Колумбийке». Знания и советы Хеймсона были для них необычайно важны, как и споры с ним — по самым разным поводам, но прежде всего — о политической культуре имперской России и причинах падения старого режима. Эти споры с увлеченным и эрудированным преподавателем и исследователем были заинтересованными, горячими, а порой и весьма острыми. Научная дискуссия в присутствии Лео редко велась на отвлеченном и абстрактном уровне, эту полемику невозможно забыть всем тем, кому доводилось в ней участвовать.

Дискуссии о корнях революций 1917 г. нашли отражение в последующих исследованиях и публикациях Хеймсона. Его новые статьи касались ряда ставших с того времени известными концепций социальных идентичностей, практик и культурных репрезентаций. Под редакцией Хеймсона вышел и важный сборник статей, посвященных истории предреволюционной и революционной эпох¹. Всё это подтверждало его репутацию известного специалиста в области социальной и политической истории начала XX в. и демонстрировало его компетенцию как социального исследователя.

Приверженность Хеймсона критическому осмыслению прочитанного и услышанного, острая форма, которую он придавал своим выступлениям, — всё это стало фирменным знаком его знаменитых семинаров. Они проходили еженедельно в Колумбийском университете, но вел их Хеймсон и в Париже (на протяжении долгого времени он сотрудничал с Домом наук о человеке). Благодаря частым и продолжительным визитам Хеймсона в Париж у него сложились хорошие отношения с Фернаном Броделем и другими видными представителями школы «Анналов», для многих из них он стал близким и уважаемым сотрудником.

Другим важным направлением деятельности Хеймсона стало участие в большом международном проекте, посвященном статистическому изучению стачечного движения в различных странах. Здесь нашел выражение его давний интерес к социологии. В сотрудничестве с коллегами из ряда стран, прежде всего с французскими историками из парижского Дома наук о человеке, такими как Эрик

¹ *Haimson L. (Ed.). The Politics of Rural Russia, 1905–1914. Bloomington, 1979.*

Бриан и Мишель Перро, он на протяжении двух десятков лет руководил этим исследовательским проектом, позволившим рассмотреть историю российского рабочего движения в международном контексте. Расширению профессионального общения способствовали и поездки в Россию, которые с годами становились всё более частыми¹.

Эти визиты (а сегодня просто невозможно представить, насколько непросто было их организовать) позволяли Хеймсону выполнять еще одну необычайно важную для него миссию: он встречался со своими российскими коллегами, прежде всего с питерскими историками, сотрудничал с ними, спорил. Начиная с 1960-х гг. Леопольд Хеймсон играл огромную роль в налаживании связей между западными и российскими учеными. Видимо, опыт «меньшевистского проекта» и здесь сыграл свою роль. С одной стороны, многолетнее изучение политической тактики российских интеллектуалов и их риторики позволило Хеймсону найти допустимые компромиссы с влиятельными «генералами» советской исторической науки. Одним из первых западных исследователей он получил возможность работать в архивах Москвы и Ленинграда, и эта архивная работа доставляла ему огромную радость, серьезно влияя на его исследования. С другой стороны, опыт работы в «меньшевистском проекте» позволил Хеймсону изнутри прочувствовать особую культуру русской интеллигенции. Он ее хорошо знал, ценил, хотя иногда и идеализировал. Неудивительно, что те советские интеллектуалы, которые не были обласканы властью, относились к Лео совершенно особенно: они не только ценили его знания, но и чувствовали в нем «своего».

Эта уникальная позиция Хеймсона позволила ему сыграть совершенно особую роль в период перестройки. Тихая, необъявленная «историографическая конвергенция» шла еще до 1985 г.: историки-«ревизионисты», одним из признанных лидеров которых был Хеймсон, и некоторые советские историки с интересом наблюдали друг за другом. Энергия Хеймсона, его дар организатора вывели это сотрудничество на совершенно новый уровень. В рамках упоминавшегося уже международного проекта по изучению рабочего движения в 1990 г. прошел международный colloquium в Ленинграде. Многие известные специалисты по истории России впервые увидели друг друга. Материалы этого colloquium вошли в книгу «Реформы или революция? Россия, 1861–1917»², которая стала интеллектуальным бестселлером. Colloquium же оказался только первым событием в череде научных мероприятий, организованных Л. Хеймсоном в сотрудничестве с Ленинградским отделением Института истории СССР Академии наук СССР (ныне Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук).

Другим важным проектом, в котором Хеймсон участвовал с присущей ему энергией и азартом, стало создание Европейского университета в Санкт-Петербурге.

¹ Haimson L., Brian E. Changements démographiques et grèves ouvrières à Saint-Pétersbourg, 1905–1914 // *Annales: Économies, sociétés, civilisations*. 1985. Vol. 40. N 4. P. 781–803; Haimson L., Tilly Ch. (Eds.). *Strikes, Wars, and Revolutions in an International Perspective: Strike Waves in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries*. Cambridge, 1989; Haimson L., Sapelli G. (Eds.). *Strikes, Social Conflicts, and the First World War*. Milan, 1992.

² Реформы или революция? Россия, 1861–1817 / Под ред. В.С. Дякина и др. СПб., 1992.

Идея организации негосударственного аспирантского колледжа увлекла его. Лео много сделал для формирования факультета истории, а свою богатую коллекцию книг он передал в дар библиотеке Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Наконец, в последние годы жизни Хеймсона получил новое развитие и «меньшевистский проект». Вместе с Зивой Галили и Альбертом Ненароковым Хеймсон издал в России несколько томов, содержащих источники по истории меньшевизма¹.

На русском языке опубликованы многие его труды². В 2005 г. вышла еще одна книга Хеймсона, в которой он вновь обратился к истории социал-демократии и рабочего движения в России. Она была посвящена памяти В.С. Дякина, петербургского историка, которого Хеймсон особенно уважал³.

Профессор Лео Хеймсон следовал традициям различных интеллектуальных течений и академических культур — русской, французской и американской. Он был их ярким и видным представителем. Он учился в Гарварде, преподавал в Чикагском и Колумбийском университетах, ощущал себя дома в Париже и Санкт-Петербурге, так же как в Нью-Йорке. Он был интеллектуалом-космополитом и русским интеллигентом, увлеченным и требовательным преподавателем, исследователем, пылко и пристально изучающим трагическую историю начала XX в. Своими книгами, своими советами, своим примером он помогал многим ученикам и коллегам. Они потеряли замечательного учителя и доброго друга.

¹ *Меньшевики в 1917 г.*: Сборник: В 3 т. / Под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. М., 1964–1996.

² *Хеймсон Л.* Об истоках революции // *Отечественная история*. 1993. № 6. С. 3–15; *Он же.* Исторические корни Февральской революции // *Анатомия революции: 1917 год в России. Массы, партии, власть* / Под ред. В.Ю. Черняева и др. СПб., 1994; *Он же.* *Меньшевизм и эволюция российской интеллигенции* // *Россия. XXI век*. 1995. № 3–4. С. 142–157; *Он же.* К вопросу о политической и социальной идентификации рабочих России в конце XIX — начале XX в. // *Рабочие и интеллигенция в эпоху реформ и революций* / Под ред. С.И. Потолова и др. СПб.: Блиц, 1997; *Он же.* *Меньшевики, политика и проблема власти в 1917 г.* // *Россия. XXI век*. 1997. № 7–8. С. 139–168; *Он же.* Ленин, Мартов и вопрос о власти в течение революции 1917 года // *Исторические записки*. 2002. № 5 (123). С. 216–254; *Галили З., Миллер В.И., Ненароков А.П., Хеймсон Л.* РСДРП(б) в 1917 г. М., 2007.

³ *Haimson L.* *Russia's Revolutionary Experience, 1905–1917: Two Essays*. New York, 2005.